

Д. Н. Бантыш-Каменский

**История царствования императора
Александра II**

В картинах

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Н. Бантыш-Каменский**
История царствования императора Александра II: В картинах / Д. Н. Бантыш-Каменский – М.: Книга по Требованию, 2013. –
180 с.

ISBN 978-5-518-05630-5

ISBN 978-5-518-05630-5

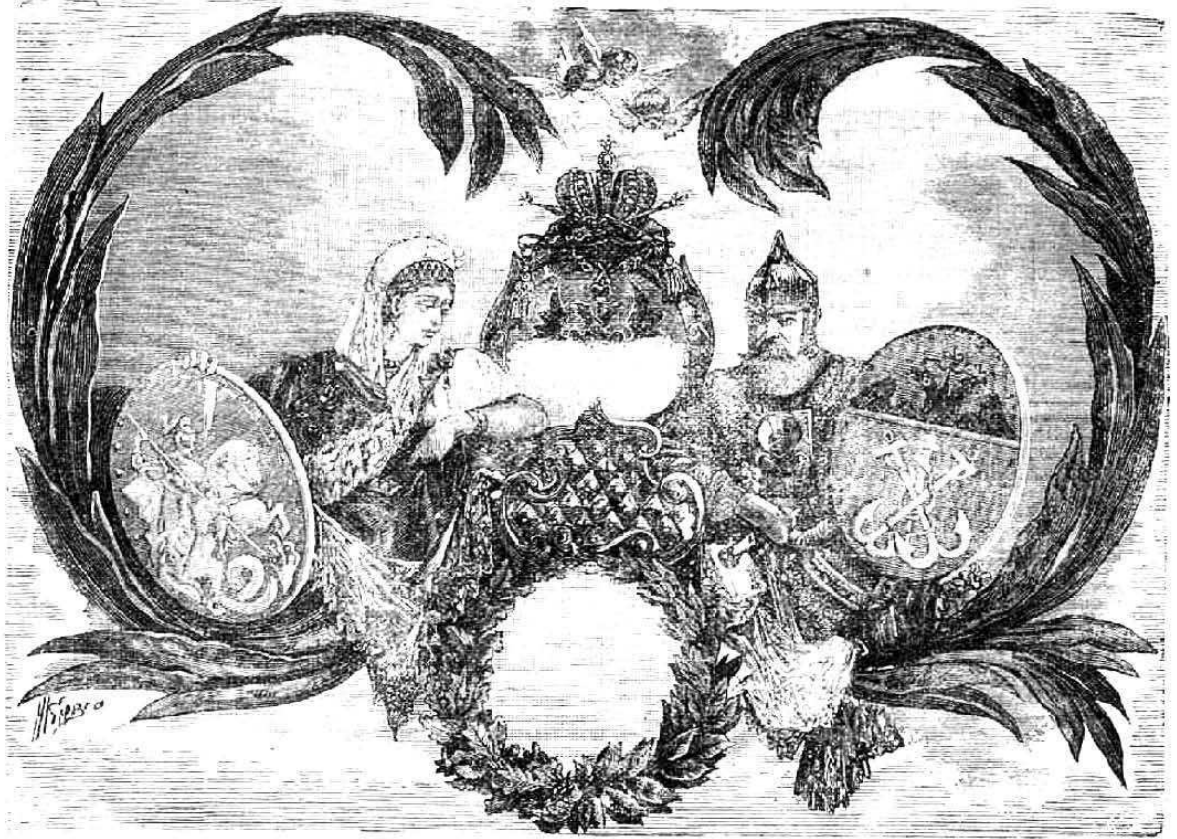
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

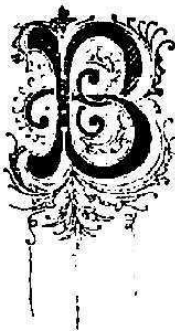
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Глава I.

Рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича.



Въ 1818 году, въ царствованіе Александра Павловича, братъ его, Великій Князь Николай Павловичъ и Супруга Его, Великая Княгиня Александра Феодоровна, находились въ Москвѣ, и встрѣтили въ ней свѣтлый праздникъ Пасхи, бывшій въ тотъ годъ 14-го апрѣля.

Весна была теплая, свѣтлая, зелень роскошно распускалась кругомъ, толпы празднично одѣтаго народа гуляли по Кремлю и заглядывали, по временамъ, въ окна смиреннаго на видъ зданія, стоявшаго неподалеку отъ Ивана Великаго. Смиренный этотъ домъ былъ домъ митрополита Платона при Чудовскомъ монастырѣ. Въ немъ жилъ въ ту пору Великій Князь Николай Павловичъ. И вотъ, въ среду, на святой недѣлѣ, загудѣвшій Иванъ Великій радостно оговѣщать Москвѣ, а изъ Москвы и всей Руси православной, что родился Великій Князь Александръ Николаевичъ!

Тогда Кремль, болѣе чѣмъ когда-либо, сталъ наполняться народомъ. Колыбель младенца какъ будто принялись раскрывать народныя воцны, и на стражѣ у нея стали

кремлевскія свѣтныи... Молитвы у народныхъ свѣтныи напечатывали надъ этою колыбелью свою благодать... И самъ Иванъ Великій, боловоль-богатырь, какъ будто сталъ на часахъ надъ царственнымъ новорожденнымъ, и запророчилъ въ гудѣніи своемъ великое въ грядущемъ!

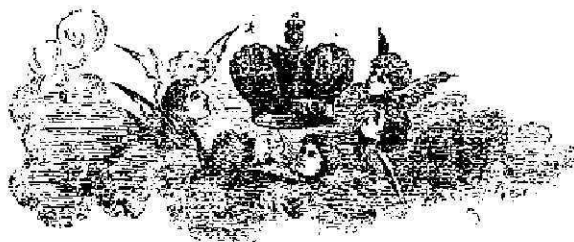
И не даромъ русскій писатель, бывшій воспитателемъ при юномъ Великомъ Князѣ, Василій Андреевичъ Жуковскій, сказалъ такъ:

На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ воскресенья,
Урѣза русская земля
Прекрасный день Его рожденья.

И въ правду, сколько знаменій обставляютъ этотъ день. Рождается Великій Князь Александръ Николаевичъ въ седмицу величайшаго праздника русской земли, праздника Пасхи, праздника любви, и высшей любви къ человѣку, праздника освобожденія этого человѣка изъ крѣпости грѣха и смерти.

Рождается онъ, гдѣ же? въ самомъ дорогомъ для каждаго русскаго человѣка мѣстѣ— въ Москвѣ, въ мѣстѣ славы и радостей русскаго народа, но также въ мѣстѣ его скорбей и печалей, въ мѣстѣ его вѣковыхъ молитвъ, его воспоминаній и его надеждъ на свѣтлое будущее... И рождается онъ въ Москвѣ какъ будто потому, что Богъ хотѣлъ симъ возвѣстать русскому народу, что жизнь будущаго русскаго Царя такъ же тѣсно и близко соединится съ жизнью своего народа, какъ Москва соединена съ Россією.

Рождается царственный младенецъ Александръ Николаевичъ въ Москвѣ, но какъ? Не въ пышномъ и не въ большомъ дворцѣ, а въ обиталищѣ приснопамятнаго іерарха русской церкви, подъ сѣнью московскаго Кремля и свѣтлыхъ угодишковъ Болѣиныхъ, какъ будто возвѣщая русскому народу, что какъ бы высоко не поднялась его царская слава, онъ не перестанетъ быть, какъ сынъ православной церкви, смиреннымъ, и какъ Царь—близкимъ къ сердцу русскаго народа. Время, когда родился царственный младенецъ, было на Руси славное. Россія еще жила воспоминаніями французскаго похода, три года назадъ кончившагося пораженіемъ Наполеона, а въ годъ рожденія Александра Николаевича, Ахенскій въ Германіи слѣздъ государей Европы утверждаетъ надолго прочную славу Россіи.





Глава II.

Дѣтство Великаго Князя.

ладенецъ начинаетъ свое дѣтство, окруженный счастьемъ. Снятся ему свѣтлыя сны, и старой матушкѣ его, Россіи, снится тоже золотые сны про Царскаго ребенка. И нить дѣтъ послѣ рожденія этого ребенка, одинъ изъ пѣвцовъ русскихъ чувствъ того времени, Рыльцевъ, посвящаетъ отроку какъ бы пророческое стихотвореніе:

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось мнѣ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ,
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Еваторіямъ тѣнь парить;
Кого-то шепетъ жаднымъ взглядомъ,
Чело величьемъ горить.

Но вотъ съ устенъ Царицы мудрой
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвился,
То въ длани тяжкій мечъ присяглетъ,
То брачный шлемъ беретъ у вихъ,
То, трещца, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Рушищевъ, Минаевъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ—
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолубивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ, за Ермоловымъ во слѣдъ,
Летитъ на свѣзанный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо внемлетъ
На легкомъ облагѣ, какъ дымъ,

И, улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ врашнужомъ своимъ...

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему великакъ рекамъ:
Я зрю, твой духъ пылаетъ брашью.
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полувочной доржавы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громко звучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

Весеннихъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла:
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иная ждутъ тебя дѣла!
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настаетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

Быть можеть, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона!
Учись заранѣ бытъ Царемъ?

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
На блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы,
И вѣру утверди въ сердцахъ!
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любя,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье — истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ Царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ:
Будь человекъ для человека,
Будь гражданинъ для согражданъ;
Будь полнъ любовью на престолѣ;
Въ чертогахъ мудрости водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и Цари!

И дѣйствительно, чудесное происходитъ явленіе. Упоенная славой Россія, ничего не желавшая тогда, кромѣ мира, навѣваетъ на дѣтскую душу отрока свое дыханіе времени, и, при строгомъ, желѣзномъ по водѣ отцѣ, влагаетъ въ юнаго сына нѣгу кроткаго сердца, чувствительность въ самыхъ тонкихъ проявленіяхъ и оттѣнкахъ, любовь къ счастью человека, безконечное смиреніе и природное миролюбіе.

Въ 1825 году семилѣтній отрокъ дѣлается Наслѣдникомъ престола. Отецъ его, Великій Князь Николай Павловичъ вступаетъ на престолъ послѣ кончины брата своего Александра Павловича, и послѣ отреченія отъ престола Цесаревича Константина Павловича. Въ этомъ году первая буря разражается надъ головою юнаго Великаго Князя. Злоумышленники, желая произвести народную смуту, составляютъ заговоръ противъ Государя Николая I-го. Заговоръ открытъ. Первые попытки произвести безпорядокъ 14-го Декабря 1825 года подавляются, и мелодому Государю приходится принять строгія мѣры противъ злоумышленниковъ, и съ нихъ начать свое царствованіе.

Казалось бы, эти сильные впечатлѣнія должны были произвести вліяніе на юнаго Наслѣдника престола, но душа его остается среди неизбѣжныхъ, увы, строгостей времени, чистою, кроткою, любящею и доброю.

Вкорѣ съ этими прекрасными качествами соединяется теплая вѣра въ Бога и полное отдаваніе себя Его неисповѣдному промыслу.

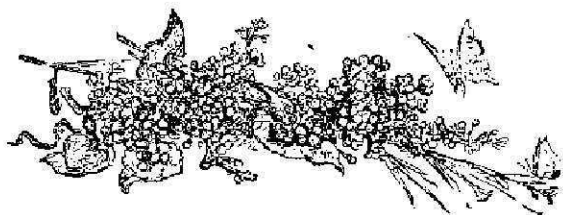
Въ 1830 году, по поводу безпорядковъ и смутъ, происшедшихъ во Франціи, Государь Николай Павловичъ сказалъ своему 12-ти-лѣтнему сыну.

Сынъ мой, будетъ время, когда ты вступиши мѣся на престолъ Петра I-го и Александра I-го, тогда ты долженъ будешь исполнять высокія обязанности свои, какъ отецъ и Государь своихъ подданныхъ, всего себя посвящая доставленію имъ благополучія, общаго благосостоянія и славы отечеству... Помни всегда, что Государь, съ своимъ высокимъ саномъ, получивъ отъ Бога скипетръ и мечъ, не долженъ никогда уклоняться отъ возмущенія.

Слова эти какъ будто вѣзались навсегда въ душу царственного отрока. Благосостояніе Россіи, общее всѣхъ и каждого счастье, стали съ раннихъ лѣтъ заботою его избранной души, но въ то же время душа эта стала и осталась безстрашною до конца, и вѣра въ промыслъ Божій сдѣлалась твердою, какъ камень, основою всей его жизни.

И Божій промыслъ, съ этихъ раннихъ уже лѣтъ, велъ эту душу, какъ особаго своего избранника, показывая на каждомъ шагѣ доказательства Божіей надъ нею благодати.

Начинается воспитаніе царственного отрока. Казалось бы, что грозный для всего міра, самодержецъ Россіи, Николай Павловичъ, могъ желать ввѣрить воспитаніе своего преемника людямъ желѣзнымъ волею, и строгимъ, какъ онъ.





Глава III.

Воспитаніе царственнаго юноши.

удьбы Божіи рѣшили однако иначе. Въ выборѣ людей для воспитанія своего сына, Государь Николай руководится требованіями, во-первыхъ, высокой правдивости, во-вторыхъ, высокой честности, и въ третьихъ, кротости сердца и просвѣщеннаго ума. Таковы были черты, отличавшія воспитателя отрока Александра Николаевича, генерала Мердера, и главнаго наставника его, русскаго поэта Жуковскаго. Про генерала Мердера говорили, что онъ былъ рыцарь чести, а Жуковскаго — кто не зналъ въ Россіи по его стихамъ и его сказкамъ. Есть такое повѣрье у всѣхъ народовъ: кто хорошо и увлекательно умѣетъ сказки писать, у того душа чиста, и въ той душѣ нѣтъ ни лести, ни лжи, ни злости.

И дѣйствительно, такова и была душа призваннаго Государемъ Николаемъ Павловичемъ воспитывать своего Наслѣдника Александра Николаевича.

Жуковскій былъ человекъ съ самою чистою и, въ тоже время, любящею и возвышенною душою. Онъ глубоко чтилъ православную церковь, и былъ до мельчайшихъ отгѣлковъ русскимъ человекомъ: то-есть любилъ и зналъ свой народъ, а также любилъ и чтилъ все, что русскій народъ любитъ и чтить. Онъ принялъ отъ Государя дѣло воспитанія его первенца какъ бы отъ Бога, съ покорностью, смиреніемъ, но въ то же время съ твердою рѣшимостью отдать этому дѣлу всю свою душу.

Жуковскій говорилъ и писалъ о воспитаніи такъ: *цѣль воспитанія вообще, и ученія въ особенности, есть обриваніе для добродѣтели.*

Въ этомъ онъ поставлялъ главную свою задачу, и эту задачу онъ настойчиво продолжалъ до конца. Указать путь душѣ молодаго Цесаревича не только понимать все прекрасное, но любить прекрасное съ тѣмъ, чтобъ его душа находила удовольствіе дѣлать

доброе и чувствовала сама отвращеніе ко злу,—вотъ чего хотѣли достигнуть воспитатели юности, имѣя въ виду будущаго Государя.

И Богъ чудесно помогаль воспитателямъ и наставнику воспитывать своего царственнаго ученика. Всѣ, помнявшіе то время, люди и видѣвшіе молодаго Цесаревича съ своими воспитателями, съ восторгомъ говорили о томъ, какъ съ раннихъ лѣтъ молодой Великій Князь привлекаль къ себѣ сердца приближавшихся къ нему людей тѣмъ, что былъ такъ правдивъ, такъ кротокъ, такъ ласковъ къ людямъ, и любя все доброе, такъ сильно отвращался отъ всего, что дурно, порочно или походило на неправду.

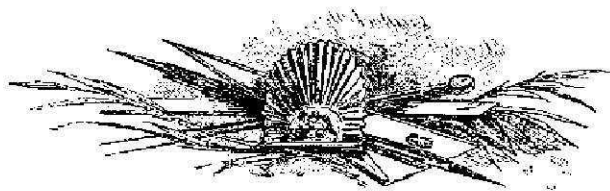
Просто только умный человѣкъ-воспитатель имѣль бы для молодаго Великаго Князя несравненно менѣе цѣны, чѣмъ хорошій, честный человѣкъ съ сердцемъ. Обыкновенно при дворѣ бывають люди, которые льстятъ, думая заслужить этимъ расположеніе, или саркавють правду, чтобы не огорчить или не сердить.

Какъ же воспитывали будущаго Государя?

Воспитывали его очень просто и въ тоже время именно такъ, какъ было нужно. Во-первыхъ, для главнаго, т. е. для закона Божія, былъ призванъ учить Паслѣдника самый, въ то время, лучшій и умнѣйшій священникъ Парскій.

Во-вторыхъ, уроками разнымъ наукамъ, за которыми, какъ любящая мать, слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ Жуковский, старалась не о томъ, чтобы изъ его воспитанника вышелъ ученый, а о томъ, чтобы вышелъ просвѣщенный человѣкъ, любящій просвѣщеніе и уважающій науку.

Въ-третьихъ, бесѣдами и чтеніемъ. Книги для чтенія старательно выбиралъ самъ Жуковский; однѣ изъ нихъ юноша читалъ одинъ, другія читали они вмѣстѣ, ученикъ и наставникъ; прочтуть и потомъ разговаривають о прочитанномъ. Кроме того, бывали ежедневно бесѣды Жуковского съ юнымъ Паслѣдникомъ. Наставникъ рассказывалъ ему о русской исторіи, о томъ, какъ живутъ въ другихъ государствахъ Европы, о томъ, что дѣлается на Руси.





Глава IV.

О поѣздкѣ по Россіи.

ь-четвертыхъ, путешествіями по Россіи. Мердеръ и Жуковскій умѣли устраивать поѣздки своего воспитанника по Россіи и направлять эти поѣздки къ тому, чтобы Великій Князь могъ узнавать жизнь-бытьё въ Россіи такъ, какъ оно было въ то время. Они ввели, такъ сказать, простоту въ поѣздки своего царственного воспитанника по Россіи, а съ простотою сама собою явилась и правдивость. По мысли ихъ, молодому Цесаревичу не поклопы и не почести, а свѣдѣнія и жизненную правду надлежало собирать въ поѣздкахъ по Россіи.

И оттого нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти поѣздки по Россіи въ молодые годы, когда душа особенно впечатлительна, и особенно воспримчива, имѣли глубокое вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго Императора. Онъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ изнанку жизни и при этомъ, посредствомъ Жуковского, сходилъ съ людьми, объяснявшими молодому Цесаревичу причины этой изнанки. Напримеръ, бывало Цесаревичъ съ своими воспитателями поѣздить или у губернатора въ домѣ, или у богатаго помещика, все покажется ему и хорошо, и свѣтло, и гладко. Воспитатели тотчасъ же ведутъ своего царственного воспитанника куда-нибудь въ темненькую избу, поглядѣть, какъ живетъ бѣднякъ и послушать, какъ тутъ говорятъ людскія рѣчи. Тутъ и вздохи услышитъ будущій Государь, тутъ и слезы увидитъ, и рассказы прослушаетъ о горькомъ житьѣ-бытьѣ, и поневолѣ въ душѣ молодой, доброй и чистой составится и глубоко врѣжется ясный образъ несчастнаго человѣка.

Въ ней было одно очень больное мѣсто и куда ни пойдешь, куда ни пойдешь, непременно надо было молодому царственному ученику съ этимъ больнымъ мѣстомъ встрѣтиться. То было крѣпостное состояніе. Приѣдетъ молодой Великій Князь въ одно мѣсто; кругомъ деревни; смотритъ онъ, и видитъ, и слышитъ: мужички живутъ хорошо, дома хорошия, церковь великолѣпная, въ магазинѣ хлѣбъ есть; рядомъ домъ помѣщика, тамъ порядокъ и чистота; ему и говорятъ сами крестьяне, что хорошо имъ живется, что баринъ у нихъ добрый, ни кого не обидитъ самъ, никому мужичковъ въ обиду не дастъ и сердцу молодого Великого Князя пріятно..

Но вотъ дальше поидетъ. Опять деревня, да не тотъ ужъ видъ. Избушки чуть держатся съ свонными соломенными крышами, мужички пьянствуютъ, скота не видать, смотрятъ мужички изъ подлобья, видъ у нихъ приниженный, одежда въ лохмотьяхъ, старички въ глаза не смотрятъ, парни не веселы, а угрюмы,—такая картина не можетъ не броситься въ глаза. И вотъ на вопросы молодого Великого Князя, наставники его повѣствуютъ ему о томъ, что изъ конца въ конецъ Россіи, тотъ самый русскій мужикъ, который и царскую службу несетъ солдатомъ, и поля обрабатываетъ и въ работѣ идетъ, по всей Россіи принадлежитъ, со всею своею семьей, со своею землею и своимъ домомъ помѣщику. Когда помѣщикъ добръ, когда управляющій и староста у помѣщика добры, тогда живется хорошо, а коли помѣщикъ не добрый, да еще и управляющій жмота, да староста у него жесткій, тогда крушый годъ у такихъ мужиковъ стоитъ въ деревнѣ стоя, и точно солнышко никогда въ такіе дома не заглядываетъ.

Такимъ образомъ, соединя въ молодой душѣ то, что онъ узнавалъ изъ уроковъ и изъ бесѣдъ съ своимъ воспитателемъ, съ тѣмъ, что онъ видѣлъ и узнавалъ отъ людей, въ путешествіи по Россіи, будущій Государь составлялъ себѣ мало-по-малу вѣрную картину тогдашней русской жизни. Высота, на которой онъ жилъ во дворцѣ, не мѣшала ему видѣть жизнь очень глубоко и понимать какъ живется въ глубинѣ самыхъ убогихъ и темныхъ уголковъ Русской земли, и, какъ пророчилъ ему русскій поэтъ, съ раннихъ лѣтъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ сталъ доступенъ всякому человѣку, даже самому убогому. Такихъ поѣздокъ по Россіи, въ молодые годы Цесаревичъ совершилъ не мало. Онъ былъ въ Архангельскѣ, былъ на краю Сибири; былъ въ разныхъ мѣстахъ центральной Россіи, и по свидѣтельству тогдашнихъ современниковъ, вездѣ, гдѣ бывалъ, оставлялъ глубокой слѣдъ. Слѣдъ этотъ врѣзывался въ жизнь и въ сердца людей, и назывался свѣтлою надеждою на будущее.

Когда ему минуло 16 лѣтъ, по закону Цесаревичъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, и въ 1834 году, 17 Апрѣля принялъ присягу своему Государю. Государь, его отецъ, Николай Павловичъ далъ тогда ему новый способъ учиться. Онъ призывалъ шестнадцатилѣтняго Наслѣдника престола присутствовать въ кабинетѣ Государя при докладахъ ему министровъ, дабы уже съ этихъ лѣтъ Наслѣдникъ могъ знакомиться съ государственными дѣлами. Иногда даже Государь обращался къ молодому своему ученику

съ вопросомъ: что онъ думаетъ на счетъ того или другаго вопроса, и выслушивалъ итѣнне сына съ любовію и вниманіемъ.

Внѣ уроковъ и занятій молодой Великій Князь жилъ въ обществѣ молодежи, своихъ сверстниковъ. Заботами Государя и воспитателя Цесаревича были обставлены кружкомъ товарищей по возрасту, для игръ, прогулокъ и чтеній—изъ дѣтей благочестивыхъ дворянскихъ семействъ, и сверхъ того, бывая съ юныхъ лѣтъ, для обученія военному строю, въ кадетскомъ корпусѣ, Великій Князь имѣлъ посреди молодыхъ кадетъ цѣлую семью пріятелей и товарищей, съ которыми онъ рѣзвился какъ мальчикъ, но въ то же время учился познавать изъ невинныхъ дѣтскихъ разсказовъ товарищей, какъ живется на Руси.

Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ молодой Цесаревичъ русскаго солдата и военную службу. Школа военная тогда была строгая. Дядя Наслѣдника, Великій Князь Михаилъ Павловичъ шутить съ долгомъ ни кому не дозволялъ, ни солдату, ни офицеру, ни генералу, и молодой Наслѣдникъ престола первый подавалъ примѣръ, и солдатамъ, и офицерамъ, самаго строгого и точнаго исполненія малѣйшей своей обязанности въ военной стрессвой службѣ, никогда не позволивъ себѣ отступленій отъ дисциплины, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ Великій Князь. Напротивъ, молодой Цесаревичъ все дѣлалъ такъ, какъ долженъ дѣлать быть всякій офицеръ, и за это его солдаты и офицеры крѣпко любили и уважали.

Когда минуло Наслѣднику 20 лѣтъ, Государь Николай Павловичъ призналъ нужнымъ подумать объ его женитбѣ. Для этой дѣли Государь составилъ росписаніе путешествія Цесаревича по Европѣ съ тѣмъ, чтобы сынъ самъ выбралъ себѣ невѣсту по сердцу и вкусу.

Послѣ побѣды по разнымъ дворамъ королей Европы, увидѣвъ много красивыхъ и блестящихъ принцессъ, выборъ Наслѣдника русскаго престола палъ на самую скромную изъ нихъ. То была принцесса Гессенъ-Дармштадская. Въ ней ничего не бросалось въ глаза блестящаго, но за то все въ ней было привлекательно: и пріятное выраженіе лица, и умный взоръ, и привѣтливая улыбка, и стройный станъ, и прекрасный, полный задушевными переливами голосъ, и благородное изящество въ осанкѣ и въ каждомъ движеніи.

И въ довершеніе всего, выборъ молодого Цесаревича палъ на ту именно иностранную принцессу, въ которой всѣ душевныя черты влекли ее любить Россію, ея народъ, ея церковь, ея лѣтопись добраго, великаго и святаго.

Лѣтомъ 1839 года, невѣста Цесаревича прибыла подъ именемъ Маріи Александровны въ Россію и была принята съ распростертыми объятіями всѣмъ русскимъ народомъ.

